

АЛЬБОМ НА ВИНИЛЕ

На малом рейде Новороссийска,
на каменном пирсе, уходящем в море,
огромными буквами написано: «Pink Floyd» –
словно прощание с семидесятыми годами.
И я уже ретроград на фоне семнадцатилетних
болванов, которые не знают, что такое
фантазмагорические соло Джими Хендрикса,
или грустные шедевры «Beatles».

Сторона 1

1. Когда мне пятнадцать
2. Большой Город
3. Атакующая поэзия Новой Волны
4. Десять тысяч ночных кошмаров
5. Выброшенный из самолета на большой высоте

Сторона 2

6. Куда плывет этот кораблик?
7. Долгая зима Коровы
8. Рок
9. Рай на зыбких песках
10. Сияй, безумный бриллиант!

СТОРОНА 1

1. КОГДА МНЕ ПЯТНАДЦАТЬ

Что ты больше всего ценишь в людях?

Спокойствие души.

Твое представление о счастье?

Творчество, труд, самоотдача.

О несчастье?

Отсутствие цели.

Твое любимое занятие сейчас?

Спать.

Любимый поэт?

Неруда.

Прозаик?

Инесса Кед.

Художник?

Ван Гог.

Цвет?

Аквамарин.

Блюдо?

Ем все подряд.

Живность?

Мурзик.

Любимое изречение?

Время не ждет.

Качество, которое внушает тебе наибольшее отвращение?

Полнота.

Великий Конкурс

Крип Ланг подлетал к аэрокосмическому порту на собственном планетолете.

— Да объясни же, наконец, что все это значит? — нарушила молчание Сара Ланг.

— Я твоя жена, а должна все узнавать от соседок!

У Крипа не было желания поддерживать этот бессмысленный разговор.

— Я уже сто раз пытался тебе объяснить, — устало отозвался он.

Но тут подал голос пятнадцатилетний Тэд.

— Ну, расскажи, пап! — попросил он.

Крип очень любил младшего сына и поэтому старался исполнять все его просьбы.

— Ладно, слушайте, — сказал он. — В самом центре нашей галактики находится могущественная организация разумных существ. Раз в год, в конце лета, эта организация собирает лучших представителей других миров на Великий Конкурс. Победители этого конкурса получают разрешение исследовать определенную область галактики в течение пяти лет. Ясно?

Сара кивнула, но Тэд спросил:

— А разве мы сами не можем исследовать? Без их разрешения?

— Нет, Тэдди, — мягко возразил Крип, — они действуют по определенному и очень удобному плану.

С этими словами он начал торможение, потому что вдали показалась зеркальная сфера космического аэровокзала.

Планетолет совершил мягкую посадку, кто-то услужливо открыл дверцу и помог выйти Саре. Звездолет был окружен плотным кольцом репортеров. Крип стал протискиваться к центру, а Тэд залез на стеклянную крышу планетолета, чтобы лучше видеть происходящее. Наконец Крип миновал кордоны и поднялся на трибуну. Ему дали микрофон. Он поднял руку, приветствуя землян. Толпа, заполнившая площадь, притихла.

— Друзья! — зазвучал многократно усиленный динамиками голос Ланга. — Сегодня один из величайших дней в истории нашей планеты. Двадцать пять наших молодых соотечественников — лучшие из лучших — отправляются на Великий Конкурс! Надеюсь, через пять лет мы будем встречать их с победой. Желаю вам успеха! — он обернулся к стоявшим возле трапа ребятам в новеньких серебристых скафандрах.

В толпе провожающих раздались одобрительные выкрики. К звездолету пропустили родных и близких тех, кто на пять лет покидал свою родину. Потом зазвучали предупредительные сигналы, и толпа начала рассеиваться. Через пять минут на стартовой площадке, поблескивая в лучах солнца, остался лишь звездолет участников Великого Конкурса. Послышались звуки гимна. В бетонные плиты ударил столб пламени. Звездолет оторвался от земли и взмыл в яркое голубое небо.

Я очень рад за тебя. Хорошо, что ты не унываешь после провала и продолжаешь идти вперед. Может, это даже и лучше, что ты не поступил — сначала осмотришься, а потом уже решишь, что делать дальше. Лично я одобряю, что ты пошел работать, да и родители того же мнения. Только не бросай мысли об архитектуре. Я тут недавно посмотрел кое-какие книжки — оказывается, это занимательнейшая область.

Теперь некоторые новости. Думаю, тебе будет небезынтересно их узнать.

Сначала о твоих одноклассниках. Серега Орлов поступил в военное. Женя Мальков провалился в Душанбе и теперь работает на заводе. Ира Ворошилова поступила в Таджикский университет. Видел ее недавно — красавица, в руках куча книг. Сашка Минаев и

Човган никуда не поступили и теперь весело проводят время. Рашид в музыкальном, в Ленинграде.

Наш дом выглядит по-новому: покрасили в зеленый цвет, побелили стены, залили бетоном дорожки. Купили здоровенный шкаф (собирали целый день). Еще у нас появился кот Мурзик — страшный обжора.

Лето прошло как-то незаметно. Ходили на Вахш и там чувствовали себя, как боги, — нарочно плавали в самых опасных местах. В последний день пошли за фисташками — я, Василь и Наташка Шатрова. Я молчал, как пень, а он заговаривал ей зубы. Короче, лето кончилось. Началась школа. Мне не понравилось. Класс идиотов и тупиц (в том числе и твой покорный слуга). По физике схватил две пятерки, а на самом деле дуб дубом. Классная у нас теперь Элеонора Михайловна, и это никого не радует. Один новенький — довольно смелый парнишка, противоположность Дементьевой, но классическая болезнь — лень.

А вот некоторые данные о двух ослах.

1. Вовик Фозлиев. Вернувшись из Москвы, сей осел возомнил, что он выше других, но, окунувшись в серую действительность нашей провинции, заханурил и схватил несколько двоек. Сейчас мечется в поисках ответа на вопрос «Быть или не быть?» Воспроизвожу его высказывание по этому поводу: «Что они вола травят, неужели я хуже Лесковой? Плевать я хотел...» И т. д. и т. п. в том же духе.

2. Вася. Гора мышц. В настоящее время страдает от ожорства и неразделенной любви.

Маг покоится на шкафу в маминой комнате. Зато летом он работал на полную катушку, о чем свидетельствуют фотографии. Они сделаны в тот момент, когда магнитофон содрогался от диких записей группы «Yes». Снимок, на котором изображена моя безобразно патлатая физиономия, выражает не что иное, как оупение от рок-н-ролла. Снимок, где я в позе Иисуса Христа, говорит о том, что нет ничего в мире, кроме рока. На третьем снимке ты можешь обзрывать могучие бицепсы Василя и обширный объем его грудной клетки. Четвертый снимок — ничем не примечательная будничная обстановка жизни Вовика. Однако коллекция фоток больше не пополняется. Причины:

- 1) фотоаппарат взял Кондратьев;
- 2) отсутствие времени.

Теперь о себе.

В последнее время веду довольно идиотский образ жизни: не знаю, за что взяться, или берусь и сразу бросаю. Постоянно конфликтую с родителями и не понимаю, как эти ссоры прекратить. Стараюсь вырваться из этого порочного круга, но пока удается только делать утреннюю гимнастику.

Теперь о жизни.

В городе появилась небезызвестная тебе Холодова. Вовика стошнило, Василя пробрала дрожь... Честно признаться, она меня бесит. Зажирела невозможно и прическа — что-то из затертого средневековья.

В воскресенье ездили на хлопок. Накануне директор произнес речь: «Ударным трудом ответим на решение съезда...», в таком духе. И ударили. Десятые собрали больше всех. Василь собрал тридцать четыре, я — тридцать два. Работал, как негр, но не смог собрать больше — все-таки сказывается отсутствие опыта. Рекорд поставила Зирка Нургалиева — сорок восемь. Вовик не ездил, работал в школе, в гараже. Кстати, об одном инциденте на хлопке: Моргала подканала к Наилю и ко мне и попросила хлопка. Мы отвалили ей, и я поменялся с ней фартуками — у нее был дырявый. Василь изрек свое знаменитое высказывание: «Настоящая аристократка». Потом, после обеда, она подошла к Василю. От радости он вывалил ей весь хлопок. Верю в их скорейшее примирение и дружбу. Мне кажется, она в него втрескалась.

Теперь попытаюсь изобразить себя — выявлю дефекты тела и души. Сюжет, как видишь, взят из картины Пикассо «Девочка на шаре». Но девочки нет!

Я снова ударился в поэзию. А ты как?

Ну, прощай.

Твой Сантим.

P.S. Мне кажется, ты упускаешь некоторые мои вопросы...

Самый лучший

Лина стояла на вершине холма и любовалась окрестностями. На ней было голубое легкое, как облако, платье. Здесь, на выжженном солнцем лугу, росли невысокие, потрепанные ветром деревца.

— Пахнет осенью, — улыбнулась Лина, погладив шершавый ствол рукой. И побежала вниз, к весело блестящей вдали речке.

Увидев на берегу Тэда, она в нерешительности остановилась. Он что-то прибывал к стене ветхого сарая.

— Здравствуйте, — прошептала Лина.

— Какого дьявола ты морочишь мне голову, Пабло? Или ты хочешь по уху? — грубо бросил Тэд.

— Я не Пабло, — сказала Лина решительней.

Тэд обернулся и от удивления выронил спектральный лучевик, который использовал вместо молотка.

— Извините, — пробормотал он. — Я хотел... я думал... я подумал...

Больше он ничего не мог сказать, потому что красота девочки глубоко взволновала его. Тэду сразу понравилось ее открытое лицо, тонкие руки и развевающиеся волосы. Он уловил в ее взгляде доверие и поддержку.

— Как вас зовут? — спросила Лина.

— Тэд.

— А меня Лина.

— Очень приятно, — чтобы не выглядеть болваном, Тэд отвернулся и продолжил свою работу.

— А кто такой Пабло? — спросила Лина.

— Старший брат, — Тэд указал на копошащуюся в земле фигуру, и Лина невольно рассмеялась. Пабло являл собой весьма пестрое зрелище: копна невымытых взъерошенных волос в сочетании с потертыми джинсами времен Баффало Билла.

Пабло посмотрел на Лину, грубо заржал и смачным плевком завершил церемонию приветствия. Прodelав все это, он снова исчез в яме, насвистывая какой-то мотивчик.

— Не обращайтесь внимания, он не всегда такая скотина, — пояснил Тэд. — Вообще-то, в школе Пабло был самый лучший и поступал на отделение астрофизики, но провалился. Теперь вот землекопом стал, выискивает съедобных личинок Хлорореземус...

С недавних пор нашу тихую обитель стали посещать некие особы женского пола. Ты же знаешь, какая я свинья насчет своей внешности и уборки комнаты. Так вот теперь мне приходится, скрепя сердце, наводить порядок.

Ты беспокоишься о Наташе? Постараюсь подробнее рассказать о ней. Она страшно изменилась, стала намного взрослее, у нее куча друзей и знакомых. Вообще она, как ты, наверное, сам знаешь, очень общительна, и от прежней Наташи осталось довольно мало. Конечно, она прекрасна! Тут не может быть никаких сомнений.

Меня немного встревожило твое предостережение о том, что мы несколько грубоваты. Так оно и есть — я порядочный кретин и бездельник и давно замечаю за собой недостаток — неумение нормально разговаривать. Обычно я чего-нибудь да ляпну сдуру. Недавно беседовал с ней на хлопке и сошел с ума. Достаточно было ей произнести несколько фраз, и к тому же белый платок, который покрывал ее ангельскую головку. О, Боже! Мне не нравится, что она связалась с «обществом».

Мне кажется, я смогу стать ее другом. Впрочем, необходимо поговорить с ней серьезно. И еще: некоторые особы осуждают меня за связь с ней. Мол, «что это его на детей потянуло». Будь они прокляты!

Перехожу к музыке. Честно говоря, я становлюсь фанатиком. Регулярно с Наилем слушаем «Голос». Сейчас самые популярные группы — «Boston» и «Scherbet». Музыка бесподобна — рок в восточном стиле. Очень много бас-гитары, но в пределах нормы. Забой полный, особенно «Мотор любви». Но самое паршивое, что маг почти не пишет. Сошел с ума, узнав, что ты попал на «Орфея и Эвридику». Если не испишешь об опере пару страниц убористым почерком, я пошлю тебе свою кровь...

Наш класс постепенно преобразуется, как под пером литератора. Иными словами, начинается период Великой Дружбы.

Все началось с похода. Ходили с четвертого по шестое ноября на Потерянный Топор. До места топали пешком, по правому берегу. Фозли нагрузился, как вол: тащил твой сшитый рюкзак, битком набитый всякой всячиной, кроме того две палатки и еще спальники. У меня тоже был ничего рюкзачок, но мы с Василем проорали всю дорогу под гитары и не чувствовали никакой усталости. По пути набросились на плантации арбузов и мигом превратились в свиней. Доползли уже в темноте — благо была прекрасная лунная ночь. Замочили палатки и костер. Сварили, не помню что, и съели. И потом до утра бегали друг за другом с топорами, орали и танцевали.

Чуть рассвело, мы с Наилем полезли на крепость. Отличное утро и свежий горный воздух. Потом пошли на вершину, но не дошли. Потом ловили рыбу. Остальная часть дня прошла в идиотском времяпрепровождении.

Между прочим, должен сказать, что сейчас я выполняю в школе роль клоуна. От моих шуток сдыхает весь класс. Вовик считает, что я многого достиг.

А вот любопытный список моих кличек:

1. Батя
2. Отец
3. Бог
4. Иисус
5. Папа
6. Господь

Можно подумать, что я чуть ли не самая популярная личность, но это не так.

О доме писать нечего, все как раньше. По-прежнему меня ругают за двойки и за все-все-все. С Веркой отношения немного потеплели, но в основном я общаюсь, конечно, с Вовиком и Васей.

У Вовика новый котенок, уместающийся в руке. Мы давали ему клички. Вот два образца: Мерседоний и Пентан. Не знаю, как назовут котенка, а вот наш разжирел еще больше. Его нужно именовать Санчо Панса, Ламме Гудзак или Гаргантюа.

Скоро отправлю тебе свой новый поэтический сборник «Пей, уставший!». Основная мысль сборника выражена в названии. После его написания я выдохся.

А вообще жизнь прекрасна, хотя иногда на меня нападает хандра.

Когда ты приедешь в Калининабад?

Когда будешь жениться?

Не одобряю твоих мыслей о военном училище. Неужели ты предал «Один плюс один» и все, что с ним связано? Скорблю по ушедшим в прошлое временам.

Вышли из стихов что-нибудь жгучее, чтоб за душу хватало. Чтобы напоминало, что человек не свинья и что ему нужна любовь, как хлеб.

P.S. Ты игнорируешь шестьдесят процентов моих вопросов...

Печаль высоких звезд

В седьмом номере журнала «Один плюс один» был опубликован фантастический рассказ Поля Бохольта «Самый лучший» из его сборника «Печаль высоких звезд». Редакция полагает, что этим нескромным названием фантаст намекал на то, что его произведение является самым лучшим. Однако это не совсем так. Несмотря на множество доброжелательных откликов, полученных редакцией, нельзя не указать также и на ряд недостатков. Главный из них — слишком много грубости на фоне безоблачного счастья

пятнадцатилетних влюбленных. Сочинение пестрит словами «осел», «идиот», «болван», «скотина» и т. п. Мне кажется, Бохольт взялся не совсем за свою тему... И все же рассказ Поля оставляет в наших сердцах неизгладимое впечатление. Он проникнут тонкой лирикой и настоящей поэзией. Светлые и нежные образы Лины и Тэда ранили сердца читателей. (Главный редактор журнала «Один плюс один» Вед Крок)

Падение Бёрча

Он удалялся развинченной походкой наркомана. Сутулый и больной, доведенный до крайности скудной пищей, долгами и налогами. Драный засаленный свитер, стоптанные ботинки и блуждающий взгляд — таков был некогда знаменитый Гарви Бёрч. Это был последний осмысленный разговор в его жизни. Я до сих пор нахожусь под впечатлением его слов, его хриплого, беспрестанно прерываемого кашлем, голоса. Вот что рассказал мне Бёрч, старик в двадцать шесть лет...

Дела мои плохи — страшно поругался с родителями. Не поладил с отцом. Вышел из всех рамок приличий.

С музыкой завязано. Магнитофон спрятан (да это и к лучшему — я уже не могу его слушать). Занимаюсь теорией — привожу в порядок записи, для меня это хорошая разрядка.

Сейчас у меня хреновое настроение, бездельничаю.

Самое плохое: у меня нет ясной и четкой цели.

Еще одна палка в мои колеса — Ольга Рахманова. Здесь я пасую. Не могу ничего с собой поделаться.

Если серьезно говорить, то я устал писать.

До свидания.

Вечером в декабре

Я сидел в чайхане и созерцал путь, пройденный моим желудком. Путь, длиною от великолепной шурпы до восхитительного щербета. И тут, да простит меня Аллах, взгляд мой пал на страницы восьмого номера журнала «Один плюс один», в котором был напечатан рассказ Фрэнка Манхайма «Падение Бёрча» из цикла «Земля вечером в декабре». Рассказ, несомненно, великолепен. Он заставляет нас задуматься над вопросами: кто мы? Кем мы вырастем? Основное место в нем занимает грустная история Гарви Бёрча. Нам интересно наблюдать за этим симпатичным парнем, ведущим мучительную борьбу с навалившимися проблемами. И все же в рассказе присутствует некая доля сентиментальной плаксивости. Слишком мрачно и жутко описано место действия, с излишней, я бы сказал, трагичностью нарисован психологический мир героев. В целом же хочется отметить интересный сюжет, и не совсем донесенную до читателя мысль автора. (Ответственный секретарь журнала «Один плюс один» У ибн Угун.)

Что творится в школе и у тебя в душе?

Школа осточертела настолько, что думать (и писать) о ней нет ни желания, ни сил. В классе болото. Балдеем с Вовиком. У меня в душе сумбур, хаос и неразбериха. Честно признаться, сейчас я еще очень мало знаю о жизни и о себе самом.

Сколько времени ты предаешься тоске?

Я почти не тоскую. Прошли те времена, когда мне хотелось бежать от самого себя.

Считаешь ли сбалансированным свой внутренний мир?

Мне кажется, там все в норме. Но нужно развивать его дальше.

Достаточно ли тверды твои взгляды на жизнь? Сможешь ли ты отстаивать их где угодно и перед кем угодно?

Взгляды достаточно тверды, но вот насчет отстаивания их я довольно слабоват.

Исходные точки опоры твоего теперешнего существования?

Этот вопрос очень труден. Честно говоря, опора довольно зыбкая. Я многое утерять из прошлого и почти ничего не приобрел нового.

Какую книгу ты сейчас читаешь?

Сейчас читаю Уолта Уитмена — «Листья травы». После Неруды он второй поэт в мире.

Неужели жизнь продолжается?

Да, наверное. Ведь уже больше месяца как новый год, а я все еще никак не могу к этому привыкнуть.

Период застоя и болезненности наконец-то закончился. Я полон оптимизма. С первого февраля начал бегать (думаю согнать жир), занимаюсь математикой. Начал вести дневник — хочу писать воспоминания о своей жизни, о Калининабаде, о школе и вообще. Но все это требует страшной воли и упорства, коих у меня нет (и не было). Кстати, одно из правил, которое я завел, гласит: каждый день потеть.

Ольгу Рахманову я закопал в глубины своей памяти. Связь с ней показала, как низок я еще в нравственном отношении (грубость, небрежность и т. д.).

Вовик продолжает оставаться болваном, хотя по-прежнему занимается радио. Насколько я понимаю физику и вообще радио, он в теории дуб, а вот в практике волокет. С его мозгами можно горы свернуть. Насчет себя — не знаю. Я должен заставить себя пахать.

Кстати, должен тебе сказать, что некоторые кретины толкуют в адрес журнала, что, мол, это все детские игры и скоро он прекратит свое существование. Развеивая пошлые сомнения, я снова взял в руки перо, полное надежд, и окунул его в чернила.

Заодно хочу сделать несколько замечаний по поводу критики. Критические статьи в «Один плюс один» до примитивизма просты и односложны. Вед Крок и У ибн Угун отделяются кратким пересказом и слабыми замечаниями. Хорошей критики нет. Но нет и хороших произведений...

Снова!

Январский номер журнала выпущен в марте, и это глубоко символично. Вы спросите, по какой причине запоздал номер? Отвечу. Избыток чувств и мыслей не сразу удалось пустить в нужное русло — раз. Гибель жанра прозы — два. Лень редакции и низкие гонорары — три, четыре.

Последние несколько месяцев мы действительно наблюдали некоторый упадок. В большей мере кризис был вызван бурным потоком внешней информации, но и внутри авторских мозгов происходила коренная ломка некоторых умозрений. Все это обещало вылиться в новый всплеск поэзии — поэзии более свежей и животрепещущей, более острой и плодотворной. И вот, наконец, прорыв свершился!

Итак, уважаемый читатель, на страницах девятого номера вновь заговорит знаменитый Вольфганг Тильгнер. Его новые произведения доставят истинное наслаждение гурманам абстрактной мысли. Также, со своим шедевром «Аэропорт» выступит Роберт Денфилд, автор неувядающего цикла «Когда мне пятнадцать». Среди гостей — уже полюбившаяся нам эстонская поэтесса и писательница Инесса Кед, в очередной раз печатающаяся в нашем журнале, о существовании которого она даже не подозревает. В переводе Элеоноры Тамм вы прочтете два ее стихотворения: «Встречая нежно тихий взгляд» и «О, если буду я еще сама собою». (Заместитель главного редактора журнала «Один плюс один» О'Сантим)

Новое имя

Поэтическое приложение к девятому номеру, как видит читатель, наполнено исключительно поэзией Фита Олрэйта из его тетради «Я наблюдаю жизнь». Фит Олрэйт впервые публикуется в нашем журнале и, в отличие от достаточно жестких и непримиримых стихотворений других авторов, его поэзия проникнута верой в добро и красоту. Удивительные поэмы Фита чисты, свежи и поражают богатством красок. Опубликовав первые же свои стихотворные опыты, Фит Олрэйт проснулся знаменитым и сразу же вписался в поэтическую элиту нашего века.

«Радость, которую я испытал, узнав, что мне предоставили слово в замечательном журнале «Один плюс один», не сравнима ни с чем. Постараюсь и в дальнейшем оправдывать доверие редакции. Большое спасибо!» (Фит Олрэйт)

На майские праздники ходили на Ходжемастон. Было десять человек, самые энтузиасты. Первого числа — демонстрация, вместо нее мы сбегаем из города. В два часа дня садимся на мотовоз и едем до Балагдаша. Компания, что надо, все довольны. Начинается подъем. Девчонки идут налегке, парни волокут огромные рюкзаки. Идем медленно. Доходим до первого родника, там привал. Поздно вечером доходим до места. Ты не можешь себе представить, какая там природа — деревья в зелени, трава до небес. О, небо! Я бы остался там жить... Ставим палатку. Жрем. Потом втискиваемся в наше жилище. Страшная теснота. Слушаем музыку и собственные шутки.

Но самое яркое впечатление — ночной вояж на вершину. Пошли: Вовик, Наиль, Юрич и твой покорный слуга — часов в двенадцать, когда все уже отрубилось. Была луна, ветер... Темп убийственный — поднялись за один час. На вершине съели по два печенья, выпили воду во фляжке и слушали транзистор — «Beatles» и американские соул-группы. Потрясающе. И вид оттуда фантастический. Вовик сказал, что иногда стоит сходить с ума...

Твои планы?

Сейчас основное — подготовка к экзаменам. Поступить в институт я не думаю. Оставаться в Калининабаде тоже не хочется. Я становлюсь все увереннее в варианте уехать

в Находку. Там есть школа мотористов. Учиться год. А потом — в плавание.

Твоя жизнь?

Весь день на Вахше. Сплю на улице. Занимаюсь астрономией.

Кстати, моя голова теперь выглядит так:

Моя конечная цель:

Последнее время опять законтачил с Наташкой Шатровой, но все это бред. Девчонки меня не интересуют. Меня радует то, что я регулярно бегаю — пока до первого моста.

Что с музыкой?

Музыка, музыка, музыка... Я жажду музыки. Здесь застой. Мага нет. Общество пресытилось роком, интересуются единицы. Слышал недавно «Темную сторону луны». Потрясает. Особенно первая композиция.

Как поживает Фит?

Эта сволочь лает без умолку со дня своего рождения.

Спешу отослать «оправдательное» письмо. Мама, конечно, написала тебе...

В поисках информации о роке я вышел на одну коммерческую фирму. Они действуют очень быстро, по-деловому — сразу же прислали несколько статей о различных ансамблях. Между прочим, выслали одну пошленькую статейку, нафаршированную порнографией. И вот мама прочитала. О, ужас! Она стала обвинять меня в том, что я смакую все эти подробности. Мне было очень больно. Теряю веру в родителей и в себя...

Кстати, мы окончили школу. Событие, не замеченное никем. На линейке все было обычно. Дементьева пустила слезу перед микрофоном. Мы, более закаленные в боях с учителями, стойко выдержали всю процедуру. Лишь один эпизод по-настоящему взволновал меня — мне подарила цветы сестра Вероники Емельяновой, Люба. Я очень благодарен ей...

Ты понаписал мне кучу умных вещей под впечатлением писем мамы. Я просто не хочу сейчас с тобой спорить. Думаю, став мудрей, мы поговорим на эту тему...

Мои знания оказались намного скромнее, чем ты предполагал.

Первые три экзамена:

Литература письменно — три. Писал Владимира Маяковского, поэма «Хорошо!». В сочинение не вложил ни крупинки своей души.

Немецкий язык устно — три. На этом экзамене было произнесено девяносто девять процентов русских слов и один процент немецких.

И, наконец, математика письменно — три. Писали сегодня, девятого июня. Я просто списал.

В общем, пустая формальность.

Ты спрашиваешь о Вовике. Разрыв с Василем нас больше сблизил и, мне кажется, в дальнейшем мы будем вместе. Сейчас Василю с Лычковой откровенно делают аттестаты, и Василь, кажется, хочет примириться с нами. Но этого, по-видимому, уже не будет, и это наша с Вовиком слабость — то, что мы стали немного презирать Василя. Наверное, я напишу ему письмо. Потому что откровенно, с глазу на глаз, не смогу с ним поговорить. Но нужно ли? Я сам сомневаюсь. А Вовик — противник всяких экспериментов с Василем.

Итак, школа позади.

Химия: Вовик — пять, Сантим — три.

Выпускной завтра. После выпускного я на неделю исчезну с поверхности Калининабада. Уйду куда-нибудь и буду размышлять... А скорей всего папа устроит нас на электростанцию, и мы будем вкалывать. Перспективы: работа, горы (планируется ряд диких вояжей) и, по-видимому, все. Остальное — в тумане. Очень хочется приехать к тебе, но это пока откладывается. Еще одно: думаю купить четкий маг. Более крупные задачи: стать лучше, чем я есть.

Самый лучший день в школе?

Последний звонок.

Как прошел выпускной?

Сборище сытых откормленных людей. Я просто ушел после торжественной части.

Много ли ты сейчас пишешь?

После «Аэропорта» по инерции сделал несколько новых композиций. Но все они слабы, монотонны и, порой, непонятны и мне самому. Надеюсь, что этот поэтический кризис пройдет. Моя главная задача — добиться ясности. Уйти от денфилдовского стиля, в тоже время не теряя лучших качеств денфилдовского стиха.

Юбилей

О Боги! Путь длиной почти в два года пройден, и дружная команда журнала «Один плюс один» достигла наконец десятого номера. Но в головах спятившей редакци-

онной коллегии уже бушуют новые океаны и бури. Мой любезный коллега Вед Крок, а также фанатик мусульманской религии У ибн Угун в нетерпении потирают руки, желая высказаться по этому поводу. Не буду их сдерживать. (О'Сантим)

Да здравствует юбилей! Десятый номер, выпестованный отцами поэзии и прозы, обрел свое законное право на существование. Слава редакции, во главе с О'Сантимом и Вед Кроком, при участии горячей крови сына Востока У ибн Угуна! (Вед Крок)

Аллах прервал мое путешествие в миры, не столь отдаленные от тарелочки с нежным мясом молодого барашка, приготовленным специально в честь десятого номера достопочтенного журнала. Не в силах сдержать переполняющие меня высокие чувства, я рыдаю... (Скромный слуга Аллаха и желудка У ибн Угун)

Предлагаем вниманию уважаемых читателей два юбилейных интервью с заместителем главного редактора журнала О'Сантимом.

У ибн Угун — О'Сантим

У ибн Угун: О прекраснейший из прекрасных О'Сантим! Говорят, что происхождение твоего имени шотландское?

О'Сантим: Ошибаетесь, раис. Имя Сантим происходит от названия денежной единицы государства коротышек в романе Носова «Незнайка на Луне». Так что правильнее было бы считать, что у него «лунное» происхождение.

У: О, Аллах! Ты — Луна на темном небе нашего журнала!.. Но ближе к делу. Физическое или духовное совершенство важнее? Утехи духа забавам тела, или наоборот, предпочитаешь, о, лунный?

О'С: Считаю, что тело и дух наш равны.

У: О, мудрейший из мудрых! Познания твои в метафизике превосходят мои познания гаремов Халифа (храни его небо!). Но не инстинкты ли предков наших — брожение и раскрепощение телесных сил — есть истинные проявления духа?

О'С: Согласен с вами, раис.

У: О, хитрейший из хитрых! Не яд ли на языке твоём, источающем мед согласия?

О'С: Не будем спорить, раис. Лучше перейдем к другим областям познания.

У: О, рассудительнейший из рассудительных! Только у шакала шерсть стоит дыбом много лун — лев забывает обиду мгновенно!.. Перейдем к другим областям познания. Сын Запада, некий «Beatles», известен и на Востоке. В ритмах этого навозного жука старцы превращаются в слюнявых младенцев. В чем сила сего отрока? В чем смысл его воздействия? В чем цель?

О'С: На Западе существует огромное количество сынов роковых ритмов. Сия область познания столь обширна, что передать вашему блестящему уму весь этот кладезь мудрости я сейчас просто не в состоянии. Что же касается некоего «Beatles», то вы должны были встречаться с великолепными сынами Запада Полем ибн Маккартни, Джоном ибн Ленноном, Ринго ибн Старром и Джорджем ибн Харрисоном, когда они гостили у сына Индии Махариши Махеш Йоги. Неужели вы — знакомый с Тагором, Неру и Рамачандрой — не знаете Йоги? Мне стыдно за вас, раис.

У: Работа в редакции, о, милейший из милых, исключает всякие йоги... Почему оксвернули эти сыны основы жизни — самозерцание и неподвижность?

О'С: «Запад есть Запад, Восток есть Восток», как сказал Евгений Евтушенко.

У: Евгений Евтушенко, о, просвещеннейший из просвещенных, был очень мудр...

Вед Крок — О'Сантим

Вед Крок: Ваша оценка деятельности журнала в предыдущих девяти номерах?

О'Сантим: Это было великолепное пириество ума!

В.К.: Несколько слов об отношении журнала к внешним событиям. Его политическое кредо?

О'С: Журнал, как мне кажется, весьма далек как от жизни, так и от политики. Его кредо — искусство для обогащения Крока, У ибн Угуна и О'Сантима.

В.К.: В чем, по-вашему, заключается смысл жизни человека?

О'С: Каждый человек сам ищет ответ на этот вопрос.

В.К.: И все же?

О'С: ...

В.К.: Ваше отношение к творчеству советских поэтов? В частности, пару слов о Евтушенко?

О'С: Честно говоря, в поэзии для меня существуют только два имени: Уолт Уитмен и Пабло Неруда. Евтушенко я читал в глубоком детстве. Тогда я восхищался им. Теперь же — ...

В.К.: Ваша позиция в половом вопросе?

О'С: Не допущу порнографии и секса в святом источнике мысли! Но, если честно — о, женщины...

В.К.: Спасибо за откровенность. Желаю успехов и удач!

Новости

— По многочисленным просьбам читателей, начиная с одиннадцатого номера, «Один плюс один» открывает новую рубрику «Музыкальная страничка», вести которую будет известный музыкальный критик Ник Аристиз.

Круглый стол

Вед Крок: После торжеств, посвященных выходу юбилейного номера, мои коллеги О'Сантим и У ибн Угун находятся в состоянии опьянения...

О'Сантим: Опьянение, вызванное скоростью, с которой был сделан юбилейный номер, прошло, сменившись объективным и трезвым взглядом на его художественную ценность. Гром и молнии интервью и новых рубрик не заменят поры искренних и проникновенных строк поэзии и прозы.

Вед Крок: О'Сантим, видимо, приболел. А всему виной его бурный темперамент. Он всегда шел напролом, забывая, правда, о качестве, отчего страницы нашего журнала частенько бывали переполнены халтурой сомнительных авторов, чьи имена к тому же трудно запоминаются. А что думаете об этом вы, глубокоуважаемый У?

У ибн Угун: Скромный сын Востока, усидчиво исполняющий намаз, я, признаться, иногда забывал о святых обязанностях служителя храма муз. Вполне согласен с достопочтенным — халтуры много! Но в Багдаде говорят: «Даже в стаде белоснежных барашков для стола падишаха может оказаться черная овца». О'Сантим и Вед Крок переживают сегодня трудные времена — решается вся их дальнейшая жизнь. От того, как она сложится, в большой степени зависит и судьба журнала...

О'Сантим: Дорогой У, не надо оправдывать редакцию. От ее имени я обещаю отныне не пускать бездарей и халтурищиков дальше приложений.

Вед Крок: Кстати, хотелось бы сказать несколько слов и о многочисленных приложениях. Единственным хорошим и действительно сильным стал поэтический сборник Роберта Денфилда «Я жил на острове». Все остальное — для желудка, а не для души!

У ибн Угун: Упоминание об этом благословенном органе приводит в действие все силы моей души!

О'Сантим: Объем и качество — взаимоисключающие вещи. Редакции тяжело удержаться под напором алчных авторов, сотрудники просто не успевают сортировать материал. Поэты, писатели и критики вконец обнаглели и протаскивают, пользуясь всеобщим хаосом, свои убогие произведения. Страницы журнала гнутся под тяжестью грубости и неотесанности. Настала пора серьезных размышлений...

Прими мои поздравления! После года мучений ты все-таки стал студентом-архитектором!.. А мне пришел вызов из Находки. Я должен быть в моршкеле двадцать пятого августа. Так что если ты приедешь, то мы увидимся. Я совершенно свободен и у нас будет куча времени — Вахш, горы и тонкие литературные наслаждения. Очень жду тебя. Уже вижу, как ты сходишь по трапу самолета...

Очень жаль, что мы не встретимся. Ибо в начале сентября меня здесь уже не будет. Я взял билет до Иркутска, а там буду добираться или на самолете, или на поезде. Лично я

рад, что уезжаю. Думаю, что такая перемена мне сейчас просто необходима. Что будет потом? Трудно сказать. Надеюсь, что Находка не станет лишней в жизни. Теперь, когда нас будут разделять почти восемь тысяч километров, нам надо более внимательно отнестись к нашей переписке...

Вчера уехала в Ровно Наташа Шатрова. Мне кажется, что у меня что-то отняли. Перед отъездом она была у нас дома. Говорили. Она стала еще лучше. В ней много из детства. И было бы здорово, если бы все это сохранилось и в будущем...

Вовик уехал двадцать девятого июля, а Наиль улетел пятого августа. Так что я остался в одиночестве. Это, наверное, последнее письмо из дома. Перед отъездом я удивительно спокоен.

Прощание с родиной

В аэрокосмическом порту была тишина. На площади, отражаясь в зеркальной сфере аэровокзала, стояли два приземистых вездехода. В одном из них сидел Тэд Ланг, в другом — Маклин Крон и несколько его коллег. В миле от них возвышался массивный звездолет с искрящимися буквами на борту. Такие же буквы светились на груди латаного скафандра Тэда. Все молча ждали сигнала к старту.

— Давай инструкции, — прогнусил Тэд.

Лицо под бронестеклом дрогнуло, и в наушниках Тэда раздался хриплый голос Крона:

— Нажмешь кнопку в шлюзовой камере — она там одна.

Тэд подозрительно глянул на Крона.

Наконец дали сигнал. Вездеход Тэда рванулся вперед и затормозил на площадке перед звездолетом. Тэд поднялся по трапу и, махнув на прощание рукой, скрылся в люке. Взвыли контрольные сирены, горное плато вздрогнуло, и сопровождающие увидели, как звездолет, завибрировав всем корпусом, оторвался от земли и, сверкнув пламенем, скрылся из глаз. Спустя месяц он пересек орбиту Плутона, чтобы вернуться в Солнечную систему через триста лет.

2. БОЛЬШОЙ ГОРОД

Это оттуда

*Ты говорил мне,
что там, вдали,
твоя жизнь была
прочной и постоянной.
Там, вдали,
на унылых холмах,
дни длились бесконечно
в лучах раскаленного
солнца.*

*Теплые волны
омывали тебя,
горячий песок
сочился сквозь пальцы.
Ты говорил мне,
что это оттуда:
глубокое молчание зимы,
звуки полузабытых снов
и душераздирающая наивность.
Ты хранил
свой внутренний свет —*

этот девственно-чистый мир,
первозданный ландшафт,
предрассветный час,
где слышен звук
каждой птицы.
И тот, кто хотел
понять тебя,
останавливался, пораженный
твоим замкнутым миром —
гигантским минаретом,
вознесенным за облака.

Новичок в Городе

Закончилась дорога,
мой рай на зыбких песках.
Пойду в Большой Город,
не буду искать аналогий.
Большой Город неповторим
своими маленькими чудесами.
Хочу все потрогать своими руками.
Мне надоели газеты,
в которых ничего нет!
Что происходит за кулисами,
когда идет спектакль?
Когда открываются окна и двери?
В Городе впервые хочу увидеть,
как живут эти люди.
Пойду на Представление,
скользя по улицам в темноте,
надев свой лучший костюм.
Там, где собирается много людей,
найду себе тысячи развлечений.
Все смогу купить.
Здесь я смогу
утолить свою
жажду.

Желай все сейчас

Эй, девочка!
Перестань играть
в песке,
перестань бесконечно
красить губы.
Видишь —
вокруг ищут
таких, как ты.
Ты нужна мне —
но только на час.
Если ты согласна,
то я оплачу
все расходы.
Хочу знать,
что ты представляешь

из себя.
И если в твоей голове
пустота,
то мне понадобится
только твое тело.
Убей на час
мой разум.
Не прячься
от реальности.
Желай все — сейчас.
Делай все — сейчас.
Ведь мы равноправны
в этой старой
игре.

Я — в настроении танца
Снова зажигаются огни
в загоне, окруженном
проволочной сеткой.
Внутри — рок-н-ролл,
снаружи — не попавшие
в зону звука.
Маленькая девочка —
в настроении танца.
Вокруг — молодые плебеи,
будущее наших тюрем.
Поднимаемся и опускаемся
над землей.
Королева — в центре.
Она — в настроении танца.
Король играет на гитаре.
Танцуй вместе со мной!
Скользим в темноте
и поем песню
одиночества.
Весело мелькают
огни карнавала,
но ты — в западне.
Ты приходишь сюда,
чтобы убить время.
Все это —
словно мина
замедленного действия,
и я хочу,
чтобы мы взорвались
после полуночи.

Обратная сторона Луны
Попадая в темноту
хочу увидеть свет.
Даже самый сильный рок
теряет свою мощь
в этом притоне.

Двери стучат так,
словно рушится дом.
Все сидят на бетонном полу,
у каждого в кармане игла.
Будущее — это всего лишь возможность
убивать бесконечное время.
Настоящее — ничтожное мгновение,
которому нет цены.
Сегодня я пришел,
чтобы улететь на Луну, —
меня интересует
ее обратная сторона.
Что интересует тебя,
мне совершенно
безразлично.

Мандариновые сны

Открывается тяжелая дверь,
прохладный ветер
шевелит мои волосы.
Там, впереди — пространство.
Королева героина
смотрит в упор,
и я знаю, что долго не выдержу
эти капли горячего пота,
эти бездонные глаза.
Она идет прямо ко мне —
это ужас приближающегося огня.
Она проходит сквозь меня,
оставляя на моих плечах
пульсирующее масло,
стекающее вниз.
Ты — мое спасение.
Оставь мне свой образ,
дай немного любви,
дай вступить на твердый берег.
Холодные металлические
голоса удаляются,
я слышу гул подземного поезда.
Может быть, он
увезет меня отсюда?
Минуты падают,
словно капли ртути.
В туннеле летят атланты,
девушка сидит в прозрачном кресле,
волны накатываются на берег,
я иду по песку,
чтобы овладеть океаном.
Какое безумие...
Огромная земля,
над которой летят птицы.
Много людей,
ставших птицами.

Люди-камни остались внизу,
они могут только смотреть
на недоступное небо.
Маленькая-маленькая
игрушечная страна,
черно-белые поля
с фигурками людей.
Семь врат Сатори
и миллиарды лет жизни.
Ты — моя покровительница.
Ты купила мне эту страну —
крошечные леса и реки,
жидкий огонь солнца.
Через пустыню пролегает черта,
и в синей дымке —
горная цепь.
Завтра ты купишь мне
игрушечную жизнь.
Я — твой раб.
Открой окно,
я хочу упасть вниз.

Точка на твоей руке
Ты вся дрожишь,
рюмка вина
согреет тебя.
Можешь остаться здесь
и делать все,
что хочешь.
Можешь не называть
своего имени —
достаточно и того,
что ты рядом.
Можешь не объяснять,
что произошло —
я вижу черную точку
на твоей руке.
Ты самая худая девочка
в Городе,
и я прекрасно понимаю,
отчего это так.
Здесь никто тебя не жалел,
все требовали
только деньги.
И никто не помог тебе
выбраться
из этой грязи.

Июль
Не спрашивай о том,
где я был —
и так ясно, что я
не сидел на месте.

Не рассказывай
о прошлом —
ведь я не помню
твоих друзей.
Не говори
о будущем —
ведь мы не знаем,
чем все это кончится...
Мы вдвоем,
и нам нужна
только линия этой ночи —
это окно,
пробитое насквозь,
этот сомнамбулический
шорох листьев,
этот июль...
Мистическая ночь.
Антрацитовое небо,
таинственные вспышки
в глубине пространства...
Ты здесь —
легкий возбуждающий запах,
упругое тело,
теплый живот
и руки...
Долгие, долгие
влажные поцелуи,
накатывающие волны
истой нежности,
полное боли
желание единения...
Упоительное наслаждение,
беспредельная линия
открытия...
Подземные колебания,
глухой рокот
нарастающего извержения...
Мощный импульс вселенной,
раскаленный маяк
в густом кровавом свете,
падение в пылающий песок,
захватывающее дух парение
и давящая тишина...
Время, остановившееся
в оцепенении,
умирающее свечение,
умолкающий смех вдали,
таинственные потусторонние
шаги.

Разбивающий бутылки
Каждый вечер,
исследуя внутренний мир

Большого Города,
я вижу людей,
разбивающих бутылки.
Если я иду с девочкой,
то в правой руке всегда
зажата бритва.
Внимательно гляжу
по сторонам,
девочка крепче сжимает
мою руку —
ее могут изнасиловать,
а меня просто убить.
Везде стоит запах
свежей крови.
Везде люди,
которые бьют бутылки
и пишут грязные слова
на стенах.
Смотрю в темные окна,
в сторону бара,
где висит ядовитый
туман наживы.
Смогу ли я
спасти свою девочку
от страха?
Прохожий, ты — объект
пристального внимания.
Если ты с деньгами,
если ты с красивой девочкой,
если ты слаб —
беги отсюда,
пока ты еще живой.

Эй, ты!
Я в кресле, с бутылкой пива,
переключаю каналы.
По первому — погода прекрасная.
После сумасшедшего дня
на строительстве нефтепровода —
успокаивающая мелодия.
Доверительное проникновение
в производство —
роботы под угрозой
ссылки на Колыму
рассказывают увлекательные истории
про свою человеческую жизнь.
По второму — оупляющий фильм,
извращающий историю на неделю,
потом — кровавые новости
сегодняшнего дня
и несколько бодрых песенок
ваших жизнерадостных исполнителей.
По третьему — встреча по просьбе

(непонятно, кто просил).
Звезда театра и кино
рассказывает
что-то приторно-сладкое
про свои творческие успехи.
По четвертому —
остро-сексуальное шоу.
Ощущаю себя агентом
спецслужб,
передающим в центр
важные сведения о противнике...
Когда есть общая опасность —
вы всегда вместе.
Но ваши красивые лозунги,
ваши надписи на знаменах —
все это ложь,
от начала и до конца.
Вы ненавидите друг друга.
Вы готовы утопить в грязи любого,
кто затронет ваши интересы.
Ты хорошо играл свою роль:
выучил нужные слова,
занял высокий пост
и начал делать деньги.
Ты презираешь всех,
кто остался внизу
и готов стереть с лица земли
любые препятствия.
Пусть льется кровь!
Сделаю все возможное,
чтобы ее было еще больше...
Эй, ты!
Помни о том, что я всегда
был в стороне.
Переходить дорогу,
вставать на пути —
не в моих правилах.
Но если начнется война,
и мы окажемся вместе
в одном окопе,
знай, что первая твоя пуля —
будет из моего ствола.

Окна и двери

Покажи мне двери,
которые легко открыть!
Меня не интересуют
золотые украшения
и нижнее белье
твоей жены.
Работай, дружок, работай —
тащи в дом все,
что сможешь,

преврати каждую комнату
в склад,
одень ребенка
в красивые тряпки
и не забудь купить ему
аппаратуру подороже.
Ты вдолбил себе в голову,
что все это —
истинный смысл жизни.
Нет ничего приятнее
обладания!
Работай, дружок, работай —
укрепляй семейное благополучие,
слушай приторную музыку
своих любимых ансамблей.
Все равно я вижу,
как ты мал и ничтожен...
Покажи мне двери,
которые легко открыть!
Приглашу побольше
девочек из бара
и устрою
половое сражение.
Нас не интересуется
шикарная мебель
и антикварная посуда.
Нам нужны
твои непроницаемые
окна
и твои надежные
двери.
Они укроют нас
от посторонних глаз.
Мы заплатим тебе.

Япония

Есть ли у тебя деньги?
Если нет — то ни на что
не надейся.
Япония для тех,
у кого они есть.
На тебя посмотрят,
как на идиота,
когда ты полезешь
со своими бумагами.
Но как только ты
вложишь между листов
несколько хрустящих купюр,
то почувствуешь,
что кое-что значишь.
Ты поедешь только
в том случае,
если заплатишь за проезд.

Япония близко,
но никого она
не интересуется.
Всем нужны только
японские магазины.
Я видел Японию.
Для новичка это —
все равно, что ступить
на поверхность Луны.
Но не глазами по сторонам —
ты можешь проиграть,
если не будешь
следить за игрой.
Главное — вовремя
заплатить за проезд.
Ведь ты уже понял,
что делают с теми,
у кого нет билетов.

Моя лучшая девочка
Когда ты пришла ко мне,
замерзая от одиночества,
тебя не смутила
усталость в моих глазах,
следы никотина
на пальцах.
Ты учила меня
радоваться жизни.
Ты смеялась
до слез,
и я улыбался
вместе с тобой.
Но теперь ты согрелась
и хочешь уйти.
Ты говоришь —
тебя ждут.
Ты говоришь —
пора возвращаться
назад...
Останься со мной,
моя лучшая девочка,
забудь о прошлом.
Каждый дождь этой осени —
это наша грусть,
каждая ночь —
ночь нашей любви.
Мы ничего не ждем,
и наши эмоции
обострены до предела.
Это осень нашей любви,
но нас не интересуется
другой сезон.
Самое страшное —

это твое исчезновение.
Не могу представить себе,
что будет,
если ты покинешь меня
сейчас.

Далее на Юг

Как ты сможешь узнать,
с кем она будет
сегодня ночью?
Ведь ты сейчас далеко
и уходишь все далее
на Юг.
Город медленно засыпает
после тяжелого дня,
и все разговоры о вечной
и верной любви,
о единственной женщине в мире —
прекратятся сегодня ночью.
Она забудет обо всем
на той же самой постели,
где вы любили
друг друга...
Тяжело ли тебе там,
на Юге?
Никто не думает об этом,
и твое возвращение
будет как в пустыню.
Так что
иди далее на Юг,
уничтожай себя,
как можешь,
но только помни одно:
слово «измена»
ничего не значит.
Тебя нет уже полгода —
море жестоко к людям.
Но жестокость Большого Города
ни с чем не сравнима.
Все мужчины
стремятся на Юг,
где есть работа и деньги.
И все разговоры о верности —
это бред сумасшедшего.
Не оставляй
женщину одну.
Деньги — это еще не все.
В погоне за деньгами
как ты сможешь узнать,
с кем она будет
сегодня ночью?

Блюз тяжелого повреждения

Я пою
самый пронзительный блюз
моей жизни —
пусть все умирают
от адского звука...
Если идешь в строю,
то ничего не увидишь.
Уткнись в телевизор,
покупай модные пластинки.
Пусть старый мужчина
и старая женщина
грустят о старых
добрых временах.
Ничего не хочу знать...
Ночь — время блюза,
и я пою
самый пронзительный блюз
моей жизни.

Кровь юности

Когда-то меркантильные варианты
убивали тебя на месте.
Никто не хотел быть
ординарным человеком,
никто не хотел быть
стариком в двадцать лет.
Но Учитель Жизни
поставил все на свои места:
ты научился жить
никому не доверяя.
Чистота, радость —
ты все потерял.
Спрячь. Спрячь подальше
навязчивые мысли.
Пепел, ненависть —
вот, что ты нашел.
Ты потушил этот
неистовый огонь.
Ты променял память —
на блеск,
кровь юности —
на черную плазму мертвеца.
Положи ее в ящик забвений,
живи под пленкой.
А мне оставь свободу выбора
и ветер будущего.

Один из дней

Один из дней —
день воспоминаний.
Сколько лет прошло?
Где горная река?
Где старые друзья?

Звезды — такие же,
как и там.
Небо — такой же
голубизны.
Но я думаю
только о возвращении.
Только один день —
чтобы вырваться отсюда.
Только одно мгновение —
чтобы посмотреть в глаза
старых друзей.
Где же начало
моего одиночества?
Не хочу,
чтобы кто-нибудь знал
о моей слабости.
Каждое утро
делаю вид,
что мне — все равно.
Но каждую ночь —
пою о горах,
которые разрушает вода.

3. АТАКУЮЩАЯ ПОЭЗИЯ НОВОЙ ВОЛНЫ

Флойд Беннетт

Спустя почти год молчания журнал «Один плюс один» вновь появился на литературном небосклоне. В последнее время членам редакции приходится заниматься сугубо мирскими делами, что не очень-то способствует своевременному выпуску номеров... Читатель, несомненно, отметил перемены, произошедшие с журналом и его авторами за этот непростой период времени. Разделы «Проза» и «Публицистика» практически сошли на нет и явно уступают в качественном отношении разделу «Поэзия», который обогащается в основном за счет творческих поисков группы Новая волна.

Флойд Беннетт — неординарное явление в жизни нашего журнала. На привычном уже, довольно вялом поэтическом фоне его первый альбом «Долгая зима Коровы» будоражит ум и тревожит чувства. Сила и лиричность стихов Беннетта никого не оставляет равнодушным.

На данный момент в активе Беннетта девять новых полноценных композиций. К концу года их число должно удвоиться. На будущий год намечен выпуск сборника «Лучшее из Флойда Беннетта». Вместе с иллюстрациями и большой статьей о Флойде он войдет в фонд коллекции «Один плюс один». Хочется пожелать Беннетту обилия новых тем и открытий. Журнал всегда будет рад облагородить свои страницы его великолепной поэзией. (Вед Крок)

Почему ты не пишешь о своих делах?

Не знаю. Я стал каким-то осторожным. Раньше я был откровенным в письмах и вообще. А сейчас мне трудно написать откровенное письмо, где была бы только правда. Даже тебе. Но я постараюсь.

Здесь, в моршколе, я физически ощущаю боль от общения с разного рода баранами. Вижу так много, как не увидел за все годы в Калининбаде. Стараюсь общаться только с тремя людьми, которые стали мне близки. Все остальные для меня — никто. Надоело так, что иногда появляется желание все бросить. Бывают дни, когда я не хочу просыпаться и

открывать глаза. Все мое внутреннее не желает возвращаться в мир. А в декабре я вообще хотел покончить с собой. Это было самое тяжелое время.

Есть ли у тебя друзья и враги?

Нас было четверо. Один предал всех. Сейчас он с теми, кто против нас. Я дрался и с ним, и с его земляком. Теперь угроза постоянно висит надо мной. Могут отомстить.

Но дело не в друзьях и врагах, а в самой атмосфере плебейства, в которой мы живем уже седьмой месяц. Знаешь ли ты, что это за штука? Приходится, чуть ли не ежедневно, испытывать зависимость от других, видеть и самому быть участником паршивейших ситуаций, в которых нет человека — есть только принцип грубой силы. Я стараюсь следовать своему правилу: на удар отвечать двумя.

Что сейчас происходит в тебе?

Я устал. Просто устал быть в постоянном напряжении и готовности к отпору. От самой обстановки. В том обществе, в котором я нахожусь, я чувствую себя пленником. Хочется простых дружеских отношений. Тех, что были у меня с тобой, с Вовиком, с Наташей. Хочется женской ласки, любви. Никогда еще раньше я так не искал себе женщину, как сейчас. Она мне нужна, как воздух. Это мое постоянное и непреходящее желание. Оно буквально жжет меня.

Часто происходит как бы внезапное озарение. Как пробуждение сознания. Кажется, что видишь все впервые. Забываешь, что делал несколько мгновений назад. Что-то подобное бывает и с теми, кто живет рядом со мной. Мы все тут немного ненормальные.

Курю страшно. Жадно. Наслаждаюсь первой затяжкой и вижу себя иным. Только немного трясутся пальцы, и сердце стучит, как молот. Сажусь к окну и смотрю на ночной город и на море, и пишу письма, как сейчас.

Очень хочется домой. Вахш для меня ценнее всего, что есть в этом мире.

«Главное — надо жить!»

Интервью с Флойдом Беннеттом во время его стажировки в морской школе города Находка.

О'Сантим: Вы довольны своим первым альбомом «Долгая зима Коровы»?

Флойд Беннетт: Видимой причины для недовольства нет, и все же некоторые тексты откровенно слабы. В них нет той силы и мощи, которой я всегда добивался. Но в целом я рад, что альбом заметно выделится в ряду остальных поэтических сборников.

О'С: Несколько слов о структуре и форме ваших стихов.

Ф.Б.: Всегда стремлюсь писать от себя. Книги, природа или музыка могут дать какой-то толчок, но основа — это опыт жизни, маленькие события реальности. Что же

касается формы, то это «белый» стих. Не признаю иных модификаций.

О'С: Вы много пишете?

Ф.Б.: Сейчас пишу очень мало и редко. Каждый текст проверяю многократно, прежде чем придать ему законченный вид. Над «Зимой Коровы» я работал семь месяцев. Новый замысел потребует, видимо, гораздо большего времени.

О'С: Ваше отношение к статье Крока «Атакующая поэзия Новой волны»?

Ф.Б.: Прежде всего о названии: «Один плюс один» и особенно Вед Крок отличаются пристрастием к громким словам. Кроме того, так называемой Новой волны в природе не существует — есть новые композиции. А словечко «атакующая» просто выводит меня из себя. Мои тексты менее всего предназначены для того, чтобы атаковать или подавлять. Они созданы для медитаций. В целом же статья сносная, хотя излишняя восторженность портит ее.

О'С: Выйдет ли в будущем году планируемый вами сборник «Лучшее из Флойда Беннетта»?

Ф.Б.: Вынужден обмануть ожидания читателей — лучшее пока что не из чего выбирать. Его выпуск откладывается на неопределенное время.

О'С: Традиционный вопрос — планы на будущее?

Ф.Б.: Думаю осуществить свою давнюю мечту: написать цикл больших самостоятельных композиций, объединенных единой идеей и темой. Выход второго сборника ориентировочно планирую на конец будущего года. Но главное — надо жить!

В школе лихорадка. Пятеро из нашей группы ушли сегодня во Вьетнам. Через два дня уйдут еще четверо. Видимо, в Европу. Конец чувствуется во всем. Скоро и моя очередь. На подходе в Находку хорошие пароходы: «Амурск», «Интернационал» и «Заветы Ильича». Год назад «Заветы Ильича» совершил колоссальный рейс: Находка–Сингапур–Австралия–Фиджи–Куба–Франция–Голландия–Клайпеда–Бомбей–Сингапур–Находка. Представь, что это такое! Возможно, что я уйду на «Заветах». Идет во Вьетнам. Пять суток до Дананга, шесть до Хайфона и семь до Хошимина.

Сейчас занимаюсь чисто деловыми вещами: прохожу комиссию, бегаю с различными бумажками. Подрабатываю везде, где придется. Правда, из одежды ничего нет. Хожу как крестьянин. Но с морей думаю вернуться королем.

Вовик не пишет. Упорно нет писем уже почти месяц. Мне стыдно за него. За его слюнтяйство и за то, что он не может показать себя настоящим мужчиной. Он был там, в Калининабаде, как-то естественней. Мне трудно читать его письма, переполненные пессимизмом и почти отчаянием, ибо все это было в прошлом и у меня. Читая их, я вижу, каким был раньше.

В конце апреля мы с моим другом Саней Тоонмаа устроили грандиозную попойку. Меня все время терзала какая-то боль, и ее удалось заглушить. В мае собираемся пить еще больше. Будем брать виски или джин, немного шоколада и больше ничего. Мое будущее видится мне в периодах бухания и работы.

Странно, но только теперь я понимаю, как изменился по сравнению с началом прошлого года и даже его концом. Какие-то чувства — те, что были раньше — притупились и исчезли. С другой стороны, я много думаю о прошлом. И многое, что было, живет и сейчас. Наш последний поход с Вовиком, июль с Наташей, когда мы были несколько ночей вместе. Я помню, как мы шли по окружной дороге в Калининабаде и целовались через каждые пять метров. И камни на Вахше, где мы лежали и смотрели на звезды. Это какой-то ужас, когда вспоминаешь все это. Кажется, что это было миллион лет назад. И то, что было потом: сентябрь и декабрь, и этот наступивший май, который пролетит, как и все предыдущие месяцы...

Твой подробный рассказ открыл мне глаза на вашу жизнь в Ленинграде — институт, архитектуру, альпинизм. Завидую тебе. И с нетерпением жду новых писем. В твоём послании оказалось также немало восторженных страниц о любви. Честно признаться, такого восторга я от тебя не ожидал. Особенно впечатляет фраза, как будто списанная с романов девятнадцатого века: «ты увидишь ее и станешь ей братом, а она тебе сестрой». Для тебя, видимо, наступает счастливый период времени.

В моей жизни тоже произошли некоторые изменения. В начале августа меня списали с «Амурска». Пять рейсов на Японию запомнятся навсегда. Четыре захода в Иокогаму, два в Кобе и по одному в Фунакава и Хокадате. Об этом трудно писать...

Сейчас я уже на другом пароходе и почти месяц в рейсе. Сел на каботажный пароход «Борисоглебск» и буду полноценно работать. Робу матроса сменил на засаленные доспехи моториста. В активе уже два коротких рейса — на Ольгу и Рудную пристань. В конце сентября «Бориска» уходит в Полярку на четыре месяца, так что наша переписка прервется, ибо писать куда-нибудь в Анадырь или на мыс Шмидта — рисковать потерей почты.

На пароходе всерьез занялся новым сборником Флойда Беннетта «Большой Город». Моя цель — полная откровенность и раскрепощенность. Работа требует времени и сосредоточенности, но пока все только в начальной стадии. Кое-что будет взято из воспоминаний Беннетта о Японии «Япония навсегда».

Очень жаль, что Вовик уходит в армию. Кстати, он не пишет мне уже два месяца. Это в его духе. Я недоверчиво отношусь к твоим мыслям о нем. Мне чужды твоя восторженность и вера. Мне всегда казалось, что Вовик сильнее меня. Но настоящий его пессимизм и недовольство собой меня почти раздражают. Я словно вижу себя год назад, когда я не жил.

Твои «Думы моряка» далеки от реальности. А думы его, скорее, направлены в сторону полочки, а затем в сторону бутылки.

Приближается к концу Год Дурака, как выразился один из моих друзей. Но я называю этот год Годом Коровы...

О чем ты думал в новогоднюю ночь?

Видимо ни о чем, ибо в моей руке был стакан. Грубо выражаясь, я не выпускал его до конца месяца: Новый год затянулся до моего дня рождения, мой день рождения — до дня рождения четвертого механика и т. д. Круг замкнулся. Подробности:

Поспорил на бутылку водки, что смогу стоять на вахте (я стою на котле). Проиграл бутылку и был вынесен из котельной в каюту.

Когда все повырубались, высосал бутылку вина и ушел (в туман).

Пили водку. Семь на четверых. Закусывали строго красной рыбой.

В Корсакове начал вечером в пивбаре, а окончил утром на пароходе, когда последний ушел в жестокий шторм. (Я совершенно не укачиваюсь, но из-за того что раскальвалась голова, чувствовал себя как никогда плохо.)

Тащил большой дипломат пива (двадцать пять бутылок). Выпил пятнадцать.

Не смог ничего сделать с женщиной в каюте. Был жестоко пьян. Она тоже.

Не мог написать письма. Напился до положения риз.

И т. д., и т. п. ...

Теперь о вашем решении соединиться. Я к этому отношусь довольно сдержанно — настораживает излишняя, на мой взгляд, восторженность, что сквозит в твоих письмах, и некоторые фразы, типа «я люблю ее, так будет вечно». Все же это мое мнение, и не придавай ему значения. Больше вслушивайся в голос собственного организма и души.

Получил небольшое спокойное послание «Вахшского Аллигатора». Она, оказывается, пишет Коту, Лесковой и Вовику, чего не скажешь обо мне.

Домой тянет, как никогда. Уже полтора года не видел Таджикистана.

Двадцать шестого января ступил на землю Востока и буду пребывать здесь до конца февраля. Последний месяц в Находке прошел неплохо: ходил один рейс во Вьетнам — в качестве уборщицы (!). Стояли в Хошимине, но на берег не пускали — военное положение. Порт отлично оснащен, строили американцы. Растительности никакой — все сожжено напалмом. Двадцать пятого января меня выбросили в отпуск, и вот я здесь.

Жизнь дома протекает довольно однообразно. Усиленное шестиразовое питание сделало свое дело: гора дров растет и огород перекапывается. Было уже несколько застольных бесед с Галкой Лесковой и Вероникой Емельяновой (хорошая девочка с мещанским уклоном).

Прослушал у Наиля кусочек «Стены» «Pink Floyd». Возможно, это центральный номер альбома. В форме баллады. Ведет обычная акустическая гитара и ударные Ника Мэйсона. Отличный вокал и потрясающие вставки Дэвида Гилмора на электрогитаре. Очень простая, искренняя вещь и трогает за живое.

Еще раз прошу тебя, нет, молю — если увидишь конверт «Стены», спиши с него абсолютно все, что там есть. Я знаю теперь твою занятость и равнодушие к моим музыкальным делам, но попробуй немного активизироваться. Буду благодарен тебе буквально до гроба. Недавно перечитал все твои старые письма. Как много ты писал о музыке! Надеюсь на тебя. Верю в твою страсть к «Пинкам»...

Веду Кроку и У ибн Угуну

Дорогие коллеги! Тринадцатый номер вышел в свет! Вот истинное удовольствие и высочайшая награда! Создание шедевра полиграфии потребовало чудовищного напряжения сил, трех бессонных ночей и шести пачек сигарет «Космос». Его объем чудовищен — девяносто шесть листов убористого текста. Его содержание — ...

В поэтической рубрике нас опять ожидает встреча с Флойдом Беннеттом. Сегодня мы наконец-то публикуем его второй сборник «Большой Город». Напряженный труд последних двенадцати месяцев окончен, и автор выносит его на суд читателей. В работе над альбомом также принимал участие и дебютант журнала — Алан Томас Бейкер. Помимо этого он напечатал в журнале две самостоятельные композиции.

Чтобы снять некоторые возможные вопросы, вашему вниманию предлагается небольшое интервью с Беннетом.

Проще всего молчать

О'Сантим: Что ты можешь сказать о своем новом альбоме «Большой Город»?

Флойд Беннетт: Это был тяжелый год. Когда я пишу мне трудно заниматься чем-нибудь еще. Поэтому я рад, что завершил эту работу. Одно время казалось, что я никогда ее не закончу. Только «Июль» имел шесть вариантов.

О'С: В некоторых отзывах можно услышать о том, что в альбоме слишком много холода и жестокости, что он выставляет напоказ то, о чем не всегда стоит говорить.

Ф.Б.: В таком случае не стоит говорить о жизни вообще. Проще всего молчать. Но это будет нечестно по отношению к себе и к тем, кто ждет мои композиции.

О'С: Что же дальше?

Ф.Б.: Ничего. Никаких планов, никаких идей, никаких стихов. Мне нужно время...

Новости

— В январе этого года О'Сантимом проведена большая реставрационная работа, направленная на предохранение от пыли Южного Таджикистана богатейшего наследия современности — журнала «Один плюс один». Номера с первого по двенадцатый, а также приложения к журналу разделены на четыре группы и помещены в специальные капсулы-пакеты.

— Издательство «Лиммерз» намеревается заключить с Аланом Томасом Бейкером долгосрочный контракт, который будет подписан 17 февраля в Лондоне президентом издательства Томом Коллинзом и литературным агентом Бейкера. По условию контракта Бейкер обязуется печатать в издательстве шесть композиций в год. Первыми выйдут две большие композиции, названия которых пока неизвестны.

— В начале марта Вед Крок будет лишен свободы сроком на ... лет. Наш Вед женится! По причине оскудения редакционной казны О'Сантим не сможет приехать на свадьбу Крока, однако от души поздравляет виновника торжества.

Так что, ребята, держитесь

Одним промозглым февральским вечером раздался стук в дверь нашей редакции. На пороге стоял запорошенный снегом, огромного роста бородастый детина в потертых кожаных штанах. Это был... Роберт Денфилд!

— Пришел навестить старых знакомых, — пробасил он и разразился гомерическим хохотом.

Я немедленно взял у него интервью.

О'Сантим: Робби! Сколько лет!

Роберт Денфилд: Два года, дружище! Мы не виделись с тех самых пор, когда вы напечатали эту мою штуковину — «Я жил на острове». Вот я и вернулся с острова, ха-ха-ха-ха...

О'С: Ты, наверное, оставил там Пятницу?

Р.Д.: Нет, только топор, ха-ха-ха... Все эти годы я не расставался с топором — я заготавливал дрова. Знаешь, как это здорово — заготавливать дрова на зиму?

О'С: Но если серьезно, Робби, почему ты исчез?

Р.Д.: Если серьезно — наверное, потому, что постарел. Когда появился Флloyd Беннетт, я понял, что безнадежно отстал. Все это так ново и необычно...

О'С: Но ведь идея витала в воздухе!

Р.Д.: Да-да, витала, и не один год. Требовались новые стихи, и Флloyd стал первым. Собственно, это неважно, кто стал первым. Зато мы все это начинали — помнишь? Это мы заварили всю эту кашу — старина Бохольт, Фрэнки Манхайм, Инка Кед! Какие имена! Звезды! И, заметь, первой величины! Многие сейчас уже не пишут...

О'С: А как тебе «Большой Город»?

Р.Д.: Потрясающая книга! Все равно, что ушат холодной воды. Я бы даже сказал, что они — словно осколки бутылки, эти стихи, и каждый ранит очень глубоко. И какой рывок вперед! Не то, что некоторые — кропают каждый год по книжонке, называют «Сборником стихотворений», а бьют в одни и те же ворота!

О'С: Но, Робби, таким способом создавались великие вещи!

Р.Д.: Одна, две — согласен. Но нужно писать так, чтобы все твои стихи были великими! Количество в литературе — дело опасное.

О'С: А что тебе в «Большом Городе» особенно понравилось?

Р.Д.: «Июль», конечно!

О'С: Но ты, я знаю, до сих пор не женат и сохраняешь девственность...

Р.Д.: Но это не мешает мне наслаждаться такими вещицами, ха-ха-ха... А женщины вообще мешают мужчине; лучше, когда они незаметно прислуживают по хозяйству. Вот я холостяк, девственник, и, значит, в некотором роде не мужчина. Но любого балбеса свалю с ног, ха-ха-ха-ха... А вообще-то, после «Июля» трудно что-то писать — можно показаться старомодным.

О'С: И это причина того, что ты больше не пишешь?

Р.Д.: Может быть. Ты же знаешь — у меня был застой, я выдохся. Сейчас меня, наверное, уже и не читают. Да и чепуха все это — что за поэты в пятнадцать лет? Так, зелень одна, романтика...

О'С: Ты не прав, Робби. Ведь тебя вспоминают критики — недавно отметили «Аэропорт»...

Р.Д.: «Аэропорт»?! «Аэропорт» на восемнадцатом месте! Да что говорить — все это в прошлом. Хотя иногда и навернется слеза — откроешь журнальную подшивку, а там твое имя, и даже не верится, что ты это сам написал — про все эти самолеты. Я ведь уже давно не летал самолетами...

О'С: Зря ты, Робби, самобичеванием занимаешься. Расскажи лучше, как жил.

Р.Д.: Как жил? Перо свое школьное — помнишь его? Истертое, но, заметь, знаменитое перо — сразу же забросил в угол. Начал работать — топор, пила, секатор. А вообще-то я счастлив (улыбается), хотя и литературу оставил, и в женщинах не нуждаюсь. Просто радуюсь жизни...

О'С: А со старыми друзьями переписываешься?

Р.Д.: Иногда черкну пару строк Вольфи Тильгнеру — тоже, кстати, имя и отличный парень, мы ведь с ним вместе начинали...

О'С: А нет ли желания снова взяться за перо?

Р.Д.: Сейчас — нет. Руки огрубели, да и в голове — чужие стихи. А когда такое дело, лучше не писать — все равно ничего хорошего не выйдет. Можно, конечно, склепать пару боевичков, так сказать, «возродить блистательное имя» — статьи, интервью, рецензии... Только все это не для меня. Тут, кстати, совсем недавно, перед самым Новым годом, ко мне на лесозаготовки приезжал Том Коллинз, президент «Лиммерза», и предложил небольшой контракт: я выпускаю крохотную книжечку. Если она пойдет, то следом — большую книжечку. Прибыль — пополам. Но я отказался. Мы приговорили с ним целую канистру рома — Том тоже не дурак выпить, ха-ха... Он сказал, что это будет неплохо смотреться на обложке: «Роберт Денфилд — издательство “Лиммерз”». Я сказал, что действительно неплохо, и мы подняли кружки...

О'С: А как ты относишься к Новой волне?

Р.Д.: Отлично, черт возьми! Это же наши дети — как я еще могу к ним относиться?!

О'С: Хочешь ли ты пожелать что-нибудь журналу «Один плюс один»?

Р.Д.: Хочется, чтобы наше дело продолжалось. Чтобы ничто не могло помешать доступу воздуха в организм журнала. Чтобы никакие плохие настроения, неудачи и женщины не наступали ему на горло. Если журнал прекратит свое существование — это будет ударом для меня. Так что, ребята, держитесь...

Мы распили с Робби бутылочку доброго шотландского виски из нашего редакционного погребка и тепло попрощались. Он был весел, остроумен и мил, наш маленький Робби Денфилд. Еще долго в ушах стоял звон от его заразительного хохота. Добрая душа...

Новости

— Вед Крок привлек к сотрудничеству в журнале известную художницу-графика Юку Сэльви. Она оформила публицистическую статью У ибн Угуна «Дорога — это жизнь», а также высказала ряд предложений по оформлению суперобложки следующего номера. Через посредничество Крока ведутся переговоры о зачислении Ю. Сэльви в штат редакции и подписании с ней долгосрочного контракта.

— В Израиле, Китае и Чили прошла волна реакционных демонстраций, требующих запрета книги Флойда Беннетта «Большой Город». Клевета, раздающаяся из этих стран, наносит большой вред большой литературе.

— В аэропорту города Новосибирска скончался от сердечной недостаточности Ник Аристиз — бездарный музыкальный критик, испохабивший страницы одиннадцатого и двенадцатого номеров журнала «Один плюс один». Труп Аристиза будет сожжен в местных печах, а пепел развеян по ветру.

— В феврале месяце Роберт Денфилд перевыполнил план по заготовке дров и мелких сучьев.

— Флойд Беннетт покинул Калининабад и отправился в Находку, откуда ушел в рейс, сев на первую же попавшуюся ишуну.

Очень не хочется писать оправдательное письмо, но отвечать как-то нужно. Прошу тебя, прежде всего, понять меня. То, что я написал о своем отношении к родителям — правда. Да, это письмо жестокое. Оно написано в очень паршивом настроении. Мне было очень плохо, и дома я не сдержался. Я не виноват в том, что родители его прочитали. Они и раньше читали мои письма, но добивались этим лишь одного — отчуждения. Да, я стал жестоким, ибо на Дальнем Востоке по-другому не выжить. Во многом я не согласен с тобой, но не хочу ничего объяснять, поскольку мне и без того паршиво. Скажу одно: я действительно понаделал ошибок дома. Вел себя необдуманно, по-детски. Это урок мне. Представляю, что пишет обо мне мама. Она прислала гневное письмо, где куча заблуждений. Я ответил еще более гневным. Думаю, что мы никогда не пойдем друг друга...

В Калининабаде, где совершил зимой столько грехов, я встретил *ее* (она замужем). Она в меня влюбилась (хотя, скорее, это что-то другое, какое-то новое понимание). Никогда раньше я не испытывал столько участия, внимания и тепла. Сейчас она пишет письма. Читая их, я чувствую себя наивным мальчиком. В ней сила и энергия, которых не хватает мне. Она хочет встречи. Она жалеет, что не задержала меня на ночь. Это была последняя ночь. На следующий день я уехал в Находку. Больше всего меня удивляет одно — как мы смогли понять друг друга за какие-то три или четыре встречи. Странные это события. Я много думаю о них...

Твое письмо полно наставлений. Но не хочу согласиться с тобой, что не имею права на какие-либо отношения с ней. Да, я не могу дать ей то, что она имеет, живя с мужем. Но я могу дать то, чего ей не хватает. То, чего она страстно желает. Я никак не могу оценивать сейчас свои чувства, считаю это просто кощунством.

Моя Оксанка пишет мне чаще, чем все. В ее письмах желание быть рядом. Я полон надежд. Она в отчаянии. Она понимает меня даже лучше, чем я сам. Забываю Наташу...

Та откровенность, которая была между нами, не идет ни в какое сравнение с откровенностями прошлых лет. Но сейчас, вот уже несколько месяцев, ее нет рядом. Мне кажется, она приедет в Находку. Я очень ясно понимаю, что это будет значить, и очень смутно представляю, что будет дальше.

Эти мгновения любви — всего лишь мгновения. Может, это и лучше. Постоянство пугает меня. Я не хочу связывать себя в ближайшие десять лет. С другой стороны, я очень хочу иметь ребенка. Девочку от моей женщины. И чувствовать себя настоящим мужчиной, а не слонтяем. Самое плохое, что мои встречи с Наташей и Оксаной были очень коротки. Наверное, так бывает с большинством моряков. Встречи будут коротки, а расставания длинны, как сто лет...

Порой я превращаюсь в двух совершенно разных людей, когда пишу моим корреспонденткам. Мне кажется, что мои чувства к ним еще в зародыше, они просто не смогли оформиться во что-то конкретное, хотя бы отдаленно напоминающее любовь. Это были часы откровенности и раскрепощения, но всего лишь часы. Тем сильнее все это запомнилось, и тем острее желание все это повторить.

Странно, но у Вовика и, наверное, у тебя сложилось обо мне не очень хорошее мнение в отношении женщин. Скажу: частью это было игрой. Но, поверь мне, трудно даже допустить мысль о том, что я ловец острых ощущений и тот, кто с нахальной мордой предлагает себя в качестве партнера на час. Хотя я мог бы, и не раз, заняться этим. Но что-то внутри не позволяет мне так поступать. Это противоречит моей натуре. Поэтому я так дорожу моими встречами с Наташей и Оксаной и мне так их не хватает. Пожалуй, мои действия обусловлены лишь поисками теплоты, которой я лишен. Не слишком ли много я говорю на эту тему?

Мой самый дорогой и добрый друг Галка Лескова писала мне, что возможно в будущем мы не будем друг друга понимать. Может быть, и так...

И еще. Оксана — первый человек, в руки которого я совершенно спокойно отдал все номера нашего «Один плюс один». Она очень хотела их прочесть и попросила меня оставить их ей до твоего приезда.

Спасибо за ответ, но, мне кажется, ты недостаточно чутко отнесся к моим стихам. Я очень ждал твоей критики, но опять держу в руках краткое послание. Это очень печально. Все лето я работал над очередным сборником Флойда Беннетта «Манифест» и полностью им вымотан, разбит и искалечен. Титанические усилия принесли неутешительные результаты. Альбом рассыпается на отдельные фрагменты, которые, собранные в единое целое, представляют собой довольно бледную картину. Сейчас ничего не пишу. Нет времени, да и голова забита совсем не тем, что нужно для стихов.

У меня развилась сильная «морская болезнь» — очень трудно жить на берегу. Раздражает все: предметы, транспорт, города, женщины. Жизнь, в основном, идет от пьянки до пьянки. И сейчас это действительно лучшее, что я делаю. В перерывах пишу письма, работаю (очень мало) и жду моря. А пока есть только «Хорошие друзья и бутылка вина», как звучит одно из названий на диске Теда Нугента. Но, к сожалению, нет денег. Они ушли в утробу прожорливого Вакха.

И не будь, пожалуйста, нудным. Неужели не ясно, что у мужчины есть две основные вещи, в которых он должен быть мастером: умение пить и хорошо работать. У меня будет отличная, достойная мужчины работа, а пить можно научиться — это лишь вопрос времени. А ты действительно старик. В тебе до сих пор много калининабадской «святости». Духа, тела и ума, как ты выражаешься...

В очередной раз посетил военкомат. Отделался повторной повесткой на медкомиссию и взял направление в автошколу города Артема (два километра от Владивостокского аэропорта) — очень не хочется идти во флот на три года.

Нас здесь семь человек бичей (или бичкомберов, что в переводе с английского означает «безработных моряков»). Одни побывали в Японии, Австралии, Китае, Сингапуре, Малайзии, другие — в Магадане, бухте Провидения, Тикси, Анадыре и прочих забытых богом местах. Наш главный досуг — это игра в покер и бесконечные воспоминания.

Но сейчас мое положение здесь очень шаткое. Практически в любой момент могу покинуть Артем и автошколу навсегда. Все началось с того, что в конце апреля к одному из наших подошли местные и стали требовать деньги. Дальше — больше. Последовали визиты прямо на квартиру. Конечно, никто им денег не дал, но пришлось пить на мировую, и на какое-то время был заключен мир. Однако наши иллюзии быстро рассеялись, когда прикатили трое полупьяных и заладили старую песню. Дело чуть не дошло до драки. Нам, естественно, приходится сдерживаться, ибо нас всего семеро. Поэтому обстановка самая паршивая и нервная, все время ожидаешь удара в спину.

Теперь мы хотим во время очередного визита порешить «гостей» и делать ноги в Находку. Конечно, будет жаль потерянного времени, но иного выхода лично я не вижу. Из-за всего этого забросил учебу. Настроение на нуле. Все мы немного пьем для разрядки, насколько позволяют деньги, но и это не улучшает самочувствия.

Начинаю ненавидеть людей. Да и мы всемером живем не очень-то дружно. Всему причиной скотская атмосфера плебейской дыры, называемой Артемом. Тянет в море, как никогда. В Находке сделаю все возможное, чтобы уйти в самый затяжной рейс, месяцев на девять.

В редакцию журнала «Один плюс один»

Я очень обеспокоен тем, что критика до сих пор не откликнулась на мой сборник «Большой Город». На неоднократные просьбы об этом редакция отмалчивалась или отделивалась пустыми казенными фразами. Если же и в дальнейшем критика «Один плюс один» будет продолжать также равнодушно относиться к произведениям молодых авторов, то я и мой коллега Алан Томас Бейкер примем решение о выходе из журнала и начнем печататься в других изданиях. По этой же причине на неопределенный срок заморожена подготовка к печати новой книги Бейкера «Пустая голова». Я прошу редакцию обратить внимание на эти факты и принять меры. Все разговоры о нехватке времени, об удорожании бумаги меня не интересуют. (Флойд Беннетт)

Случилось то, что я ожидал — нам пришлось уехать из Артема. Мы хорошо прощлись велосипедными цепями по спинам артемовских ублюдков и сделали ноги. Сейчас живу в Находке. Одна комната и никакой мебели...

Апрель-май работал на стройке. В море не пускают по причине ухода в армию. Но ... армии не будет! Я сделал новую отсрочку до осени. На этот раз только с одной целью — поступать в институт. Во Владивостоке есть вуз под кодовым названием *Универ* (факультет восточных языков и литературы, в частности, японский язык). По данным за прошлые годы: маленький конкурс, легко поступить. Экзамены: 1. Английский язык; 2. История; 3. Литература; 4. Не знаю. С английским мне будет помогать Ира — хорошая знакомая. Сегодня ночным поездом уезжаю во Владик на курсы радиотелеграфистов (этого требуют условия моей отсрочки), ибо год моего рождения дает право военкомату забрать меня без всяких условий. Кстати, эта отсрочка стоила мне бутылки рижского бальзама и двух бутылок водки (отсрочки дорожают с каждым годом).

Всем этим резким поворотом на сто восемьдесят градусов я обязан своему другу Сергею Андрианову, с которым мы вместе ходили в Японию. Он занимается рок-музыкой и свел меня с ребятами из дискотеки, которая открылась в этом году по инициативе комсомольцев из Приморского морского пароходства. У них там все еще в зачаточном состоянии, но кое-что уже есть: японская вертушка «Шарп» (мечта меломана) и тому подобное. Если бы не он, я, видимо, ушел бы в армию и, скорее всего, на флот.

Неделю назад в дискотеке пароходства прошел мой дебют — большая программа по «Led Zeppelin». Через два дня мне предложили работать в дискотеке Рыбного порта. Мы с Сергеем приняли предложение и провели два вечера.

Примерная структура

Три дискжокея: Игорь (эстонец), Сергей и моя персона. Постоянная смена ролей: оператор — ведущий — блок слайдов, плюс я выполняю роль «Папы» (это опыт итальянской дискотеки). «Папа» должен отвечать на любые вопросы — начиная от того, кто пел арию Иисуса Христа в рок-опере «Иисус Христос — Суперзвезда», и заканчивая тем, как сделать первый аборт. Кроме того: танцевать, комментировать слайды, держать танцующих под своим контролем, рассказывать анекдоты, эпизоды из истории поп-музыки, расшифровывать значение обложек дисков и многое-многое другое.

Вот некоторые модели, которые мы использовали:

Сергей

Начало вечера. Деревянный помост выдвигается на середину зала. Сергей в мичманке, с микрофоном, проводит таможенный контроль. У нас с Игорем красные повязки. Задаются вопросы, типа: оружие есть? Потом помост отодвигается к пульту и врубается первая вещь — с последнего альбома «Spase». Параллельно Сергей берет интервью у тех, кто курит в коридоре. «Папа» с кувалдой (настоящая, взята на одном из пароходов) изображает Бога морей Посейдона. Примерно так завязывается вечер...

Игорь

Джинсы, белая рубашка, длинный галстук, в руках черные очки. Прыгает на помост: «Дорогие друзья! Вы уже два дня не слышали моего голоса. Сегодня мы хотим открыть для вас панк-уголок. Чтобы танцевать панк, нужно совсем немного: вот такие черные очки, которые у меня в руках (показывает очки и надевает их). А теперь танцуем панк

вместе с группой “Sex Pistols”!» Танцует. Все смотрят на него — танцуют всего два-три человека. Сергей комментирует: «Да, действительно, чтобы танцевать панк нужно немного: черные очки плюс отсутствие здравого смысла...»

«Папа»

Появляется из глубины коридора в черном парике до плеч. На спине дощечки с названиями: «Led Zeppelin», «Uriah Heep», «Black Sabbath». Рассказывает о композиции «Black Sabbath» «Железный человек»: «Жила-была маленькая девочка, которая любила слушать Элвиса Пресли и мечтала о нежной любви. Но вот в ее городе появился железный человек и разбил ее наивные иллюзии». «Папа» изображает хард-рок. Когда начинается композиция, «Папа» акцентирует ритм ударных кувалдой по наковальне...

Здравствуй, брат!

Ты написал дьявольски интересное письмо. Прежде всего, оригинальна мысль о том, что тебе стало стыдно, что в течение пяти лет ты «сучил ногами на шее родителей». Конечно, конечно... Институт почти окончен. Самое время подумать о приобретении «нормальных твердых профессий». Но я могу с чистой совестью сказать, что ездил домой на свои деньги. И это ты, а не я «просил денежку на самолетик» (два раза в год, прошу заметить). Хорошо еще, что ты не женился лет на пять раньше. А то бедным родителям пришлось бы выкладывать еще более кругленькие суммы в безотказный ротик их маленького мальчика...

Но самое удивительное в этом письме — о женитьбе (твое нелюбимое слово). Там много напыщенности и неправды. Особенно слова «Венец рока. Все, конец, остановка», как будто выписанные из какого-то романа. Но дальше автор просто-напросто подписывает себе приговор: «И тогда я перестал быть свободным». Неужели сейчас это называется потерей свободы? Или ты не встретил свою половинку?

И вообще, все письмо мне не понравилось. Я не хочу придираюсь к фразам, это скучно. Меня задело другое: что ты там рассказывал жене? «Мужественный брат» — ха-ха-ха (я очень долго смеялся). Сообщи ей, что у меня нет ни грамма мужества, воли и т. п.

Потом еще про «миллионы женщин» — ты там загнул так, что у меня волосы встали дыбом. Впрочем, хватит...

Я не поступил. Сдал два экзамена, и все. Но подвели не экзамены, а документы — плохая комсомольская характеристика с пароходства. (Во время работы в Полярке подрался с механиком, полез на рожон. Впрочем, товарищ заслужил.) На собеседовании дали понять, что нет смысла. Там, во Владивостоке, ко мне пришла мысль, что если я не увижу родителей и не слетаю к тебе в Ленинград перед службой, то это будет настоящая катастрофа...

Вернулся в Находку и снял новую квартиру. С прежней меня выгнали, так как я задал соседней хард-роком. Живу совершенно один, если не считать котенка, который постоянно просит есть. Утром встаю и включаю «Akai» — ставлю энергичную группу «AC/DC», работающую в стиле «тяжелый металлический рок». Естественно, поднимаю соседей — высокий форсированный голос вокалиста группы Брайана Джонсона ободряюще действует на спящего человека. А вечером прихожу в свою «одиночку» и ничего не делаю. Раньше, когда готовился, дела были, сейчас — пустота. Правда, иногда забегает соседка Марина (семнадцать лет), и мы устраиваем маленькие вечера с кофе и коньяком, плюс красивая интеллектуальная музыка. Но это бывает редко. Работаю на танкере «Солнечный» (название совершенно не соответствует моему настроению). В дискотеке пароходства готовлю свою программу о «Pink Floyd». Это единственное, что я делаю с удовольствием...

И еще... Я никому не писал о том, что произошло. Мы были вместе с ноября прошлого года. Я не могу точно ответить на вопрос, была ли между нами любовь, но то время, что мы жили как муж и жена, показало, что в практической повседневной жизни мы идеально подходим друг для друга. Мы не хотели ребенка. Но Ирина забеременела, и в сентябре должен был родиться ребенок. Она уехала домой в Томск. Там у нее произошел выкидыш (это был мальчик). Она умирала там, когда все это происходило...

Сейчас мое настроение и вообще отношение ко всему очень плохое. Не могу простить себе, что не смог заставить ее не курить травку. Какие-то люди высылали ей наркотики из Андижана, и она не хотела отказаться от них. Я был бессилён. Может быть, это и повлияло на то, что произошли преждевременные роды и что мальчик родился мертвым.

Теперь ничего нет. Ира сейчас в Находке, ее положили в больницу. Ей там очень одиноко. Она говорит, что видит в больнице один и тот же сон: несостоявшиеся похороны нашего сына. Причем гроб несут несуществующие дети наших друзей. Этот кошмар можно вызвать только с помощью наркотиков. Неделю назад она сбежала из больницы и пришла ко мне. Это была встреча почти без слов...

Мы отлично понимаем, что все кончено, тем более что я знаю о том, что она продолжает курить, а она догадывается, как я провожу свободное время... В этом отношении я давно потерял остатки совести. Но то, что вызывает одобрение друзей, не встречает поддержки внутри меня. Бывает так, что я общаюсь сразу с тремя женщинами. Я очень сильно запутался и не могу найти себе оправдание. Это не просто какое-то моральное падение наивного мальчика, а постоянная практика в течение последних двух с половиной лет. Эти встречи на час. Они теперь не приносят удовлетворения, как раньше. Они только разрушают. Они высасывают из человека все лучшее, что у него осталось. И всякий раз приходится лгать и фальшивить. А это очень трудно. Мои старые добрые друзья Вовик и Галка, наверное, ужаснулись бы, узнав обо всем этом. Плюс ко всему — не пишу домой. Конечно, я неправ. Но сейчас у меня просто не поднимается рука написать лицемерные слова о том, что у меня все прекрасно...

Открытое письмо О'Сантима в редакцию журнала «Один плюс один»

Я до глубины души потрясен сообщением Веда Крока о том, что наше любимое детище оказалось под угрозой уничтожения. Склоняю повинную голову перед судом народов и готов понести любое наказание. Теперь мне ясно, что я совершил грубейшую ошибку, доверив подшивку номеров журнала человеку, не оправдавшему этого доверия. Всю

ответственность за содеянное беру на себя. И в качестве взыскания предлагаю исключить меня из совета редакции сроком на два года.

Протокол экстренного собрания редакции

На оперативном собрании редакционной коллегии журнала «Один плюс один» был осужден беспрецедентный по халатности поступок О'Сантима и его предложение принято единогласно. (Вед Крок, У ибн Угун)

Lady!

Let me introduce myself. My name is Alex. Thanks for your English letter. I heard about your from my brother¹. Но давайте перейдем на русский, ибо в английском я полный идиот, если не считать поверхностных знаний, почерпнутых из сомнительных источников. Моя беда состоит в том, что при полном незнании грамматики в голове каким-то чудом задержались пятьсот-восемьсот слов. Это спасает меня лишь отчасти, но кое-что я все же прояснил... When are we to meet?² Трудно сказать. Наверное, one fine day³...

Но мне кажется, что сейчас это не столь существенно — гораздо интереснее извлечь максимум выгод из нашей неожиданно возникшей переписки. Вы, конечно, уже знаете, что мой братец — отъявленный лентяй. Два года я усиленно бомбардировал его своими творениями («Долгая зима коровы», «Большой Город» и т. д.), но этот стервец так и не соизволил откликнуться. Меня это страшно злит. Может быть, *Вы* повлияете на него?

Но более всего меня интересует Ваше мнение. И если Вы окажетесь строгим судьей моих чувств и мыслей, я буду очень благодарен Вам за это. Если Вы откликнитесь, то,

может быть, наша переписка будет интересна и полезна для нас обоих — людей, совершенно не знающих друг друга. Хотя у Вас на руках два очень сильных козыря, а у меня нет ни одной карты, если не считать восторженных отзывов и полусумасшедших излияний моего брата.

Итак... I'm not saying goodbye. Good luck!⁴

купить полную электронную версию текста

<http://grigorysidko.ru/el.html>

купить книгу

http://grigorysidko.ru/lubov_i_krov.html

¹ Леди! Позвольте представиться. Меня зовут Александр. Спасибо за ваше письмо на английском языке. Я слышал о вас от моего брата. (англ.)

² Когда мы должны встретиться? (англ.)

³ Одним прекрасным днем. (англ.)

⁴ Я не говорю до свидания. Удачи! (англ.)